

Вернувшись во дворец Вэйян, император Шэнь Юань достал два листка бумаги, которые держал в руках, и разложил их на столе. Поскольку время складывания было слишком долгим, отпечаток было трудно удалить, из-за чего злой дух Ракшаса и улыбающийся Бодхисаттва на нем немного исказились. Он нажимал и поглаживал ладонью, но не мог вернуть ее в исходное состояние, и он не мог не выглядеть мрачным.

Байфу подошел с подносом и поставил чашки, чайники и другие предметы в пределах досягаемости Его Величества, как обычно, но услышал, как тот сказал торжественным голосом: "Поставь это дальше, на случай, если чай перельется через край чашки и намочит бумагу".

Байфу, извинившись, отодвинул поднос и нашел четыре пресс-папье, чтобы расправить две картинки. У него было намерение похвалить несколько слов, но он боялся польстить лошадиной ноге, поэтому ему пришлось обиженно отступить в сторону. После некоторого нажатия отпечатки все еще оставались на месте после снятия пресс-папье, а рисовая бумага, которую Вэньцуй Билдинг приготовила для гостей, была тонкой и желтой, так что долго она не прослужит. Император Шэнь Юань посмотрел на него, наконец взял бумагу и направился к дворцу Ганьцюань

Во дворце Ганьцюань Е Чжэнь отослала слуг и разговаривала со своей матерью Лю Ши. Рассказывая о том, как Чжао Лули выпорол Чжао Ван Шу, Лю Ши очень рассердилась и стала бесконечно ругать его, говоря, что у того плохое сердце, что тигр отравил своего ребенка и так далее.

Е Чжэнь не ответила, она просто нахмурилась и слушала. В то время она была готова отказаться от пары детей и чрезвычайно влюбленного мужа, чтобы погнаться за чудовищным богатством. Было очевидно, что она была безжалостной и бессердечной и, естественно, больше не испытывала никакой ностальгии по людям в особняке маркиза. Если бы не Чжао Лули, от которого все еще была какая-то польза, она бы давно порвала все связи с этим человеком, и где бы она все еще водила его за нос. Услышав, что Чжао Лули наказал детей под давлением Гуань Суй и передал ей всю власть в семье, она была рада, что была на шаг впереди. Даже упрямым Чжао Лули она могла бы быстро манипулировать, если бы ей разрешили войти во дворец, разве это не стало бы серьезной проблемой для ее доверенного лица?

Она не знала почему, хотя никогда ее не встречала, она испытывала сильную ненависть и зависть к Гуань Суй, ненавидя то, что ее нельзя было выбить из колеи, не могла смотреть, как она избита и измучена, чувствовала, что смерть будет лучше, чем жизнь.

Е Чжэнь ненавидела Чжао Лули за то, что он был мягкосердечным, трусливым и бесполезным, но она не позволила бы ему стать чьей-то рукой. Подумав об этом, она уже собиралась приказать своей матери привести Е Фана в особняк маркиза, когда услышала тихий голос из-за ширмы: "О чем ты говоришь?"

Дуэт матери и дочери мгновенно впал в панику, и пока они выбегали, чтобы поприветствовать этого человека, они неоднократно вспоминали, что только что сказали, независимо от того, нарушили они табу или нет. Дворцовые слуги за пределами зала все ползали по земле, дрожа. Видя, что Его Величество наносит необъявленный визит, никто не осмелился предупредить их.

К счастью, Е Чжэнь возмущала вульгарная речь Лю Ши, и когда она жаловалась, она обычно молча слушала, не любила соглашаться и не говорила ничего, что не было в ее обычном стиле.

А Лю ши очень ненавидела Гуань Суй, и в течение получаса она просто рассказывала о своих различных злодеяниях, не раскрывая секретов своей дочери и семьи Е.

Не было ничего страшного в том, что его Величество слушал, как она ругает Гуань Суй, напротив, это могло помочь легко посеять семя. Возможно, в будущем, по мнению Его Величества, госпожа маркиза Чжэнбэй станет эгоистичной и порочной личностью, которая издевается над своим пасынком и падчерицей. А Его Величество был чрезвычайно упрямым человеком, если бы он возненавидел человека с первого впечатления, ничто не изменило бы его мнения, и наоборот.

Любовь складывается в кулачок, а ненависть сбрасывается в пропасть. Этому темпераменту было очень легко угодить, но также было очень легко потерять контроль. Когда он души в вас не чает, он будет послушен и выполнит все, о чем вы попросите. Если он ненавидит вас, вы можете только молиться о большем количестве благословений.

Е Чжэн неоднократно вспоминала разговор со своей матерью, решив, что в этом не было ничего необычного, более того, это можно было назвать удачным ходом, поэтому она почувствовала облегчение. Лю ши смогла научить свою дочь становиться Цзею, ее разум, естественно, мог возвращаться очень быстро. Когда она опустилась на колени, чтобы отдать честь, ее бледное лицо вернулось к нормальному состоянию.

Ранее Е Чжэн сказал Лю Ши, что даже если она покинет особняк маркиза Чжэнбэя, то она не сможет повернуться лицом и никого не узнает. Напротив, было еще более необходимо непреднамеренно раскрыть ее внутреннюю боль и нежелание завоевать жалость его Величества; чтобы заставить его понять, что она была слабой женщиной, которая ценит любовь и праведность, и была вынуждена жизнью, и нуждалась в сильном и мощном убежище.

Из-за этого, даже если Е Чжэн не испытывала особой привязанности к детям и своему бывшему мужу, она всегда демонстрировала видимость "никогда не забывай". Но должен быть идеальный баланс между "никогда не забывать" и "должен забыть", иначе со временем это неизбежно расстроит Его Величество и, в конце концов, приведет к саморазрушению.

Поэтому Лю Ши не постеснялась упомянуть своего внука и внучку в присутствии императора Шэнь Юаня. Отдав честь, она вытерла слезы и сказала: "Ваше Величество не знает, что Гуань Ши совсем не такая, как говорят люди, едва переступив порог дома, она подговорила господина маркиза избить Ван Шу, и теперь его заперли в доме, даже не выпуская за дверь. И моя бедная внучка должна везде общаться и развлекаться, чтобы она могла взглянуть на другие семьи, чтобы в будущем брак не был трудным. Как хозяйка особняка маркиза она должна проявить инициативу и устраивать для нее чаепития и встречи с цветами, а также развивать контакты". Неожиданно Гуань Ши поступила наоборот, она неоднократно отказывала Сиэр во многих должностях, строго запрещала ей общаться с дочерьми других знатных семей и позволяла только следовать за ней и служить ей. Ваше величество, сказали вы, как может быть в мире такая мать? Она хочет вырастить Ван Шу как пустое место, и отсрочить событие всей жизни Сиэр!"

Говоря это, Лю Ши уже задыхалась.

Е Чжэн "не смела" плакать перед Его Величеством, но ее глаза были полны слез, которые не могли пролиться, что было более жалко, чем плакать.

Император Шэнь Юань положил два рисунка на стол и медленно разгладил их ладонями, его решительное и красивое лицо не выражало никакого гнева. После того, как Лю Ши закончила

говорить, он небрежно сказал: "Несколько дней назад кто-то пришел с докладом, сказав, что Шизи принца Чэна чуть не убили из-за того, что кто-то разбил ему голову. Чжэнь в то время был занят государственными делами и не проводил подробного расследования, а только приказал императорскому врачу пойти и вылечить его."

Лю ши постепенно перестала плакать и нервно посмотрела на свою дочь. Е Чжэнь подумала, что что-то не так, но она не осмелилась ответить, только неохотно дернула уголком рта.

Император Шэнь Юань даже не поднял век, все еще глядя на рисунки на столе, и продолжил: "Угадайте, кто преступник?"

Лю ши вытерла слезы дрожащей рукой, ничего не сказала, притворяясь, что задыхается от эмоций, и даже затаила дыхание. Е Чжэнь не посмела не ответить и сказала дрожащим голосом: "Может быть, это Ван Шу?"

Император Шэнь Юань холодно ответил: "Это он. Даже если принц Чэн и принц Цзинь были заключены в тюрьму за государственную измену, их титулы все еще там, их личности все еще там, их родословная все еще там, они братья Чжэня и члены императорской семьи. Те, кто убивает императорскую семью, должны быть казнены, и это может затронуть даже девять поколений. Это закон, сформулированный вами, людьми Хань, с древних времен."

"Ван Шу, он действительно совершил такую большую ошибку!" Е Чжэнь опустила свое тело вниз, прижалась лбом к тыльной стороне ладони и взмолилась: "Умоляй императора простить его грехи и умоляй императора быть добрым. Если император хочет наказать, то накажите эту наложницу, именно она в долгу перед ним. Если бы его мать была рядом с ним с самого детства, и учила его..."

Когда император Шэнь Юань услышал, как она упомянула прошлое, он не мог избавиться от чувства вины и махнул рукой, чтобы прервать ее: "Вставай, маркиз Чжэнбэй избил его, так что это дело списывается со счетов. Чжэнь слышал, что темперамент Чжао Ван Шу очень непослушный, и если его должным образом не обуздать дома, чтобы он был воспитан и обучен, то в будущем неизбежно произойдут катастрофы. Чжэнь может стерпеть его один раз, но не во второй. Что касается Гуань Ши, то она строго-настрого запретила Чжао Чуньси общаться с дочерьми из знатных семей..." Он на мгновение задумался и вдруг улыбнулся: "А есть ли у нее в руках копия "Записей благородной семьи"?"

До того, как четыре королевства были разрушены и Центральные Равнины были объединены, этим местом когда-то правили знатные семьи, и даже члены императорской семьи не были такими благородными, как дети знатной семьи. А император Шэнь Юань привык почитать себя единственным ортодоксом, и ему не нравилось, когда его подавляли другие. Как говорится, "знай себя и знай своих врагов, и ты никогда не будешь побежден".

Те ученые дворянские семьи, которые были далеки от императорской власти, он намеревался привлечь на свою сторону и использовать их, но сложные и очень хитрые могущественные официальные дворянские семьи, рано или поздно, станут его ступенькой, призраком под ножом. С другой стороны, Чжао Лули не мог видеть его мысли насквозь. Он всегда гордился своей кровью семьи Чжао в Тяньшуге и говорил это много раз, поэтому император Шэнь Юань записал это. После восхождения на трон кто-то подарил копию "Записей благородной семьи", он перевернул страницу семьи Чжо, он не мог удержаться от улыбки, но из-за того, что отношения были отчужденными, это не было раскрыто.

Е Чжэнь увидел, что Его Величество странно улыбается, и хотела спросить о причине, но не

осмелилась заговорить. Колеблясь, она услышала, как он приказал: "Принесите "Записи благородной семьи"."

Очевидно, это было сказано Байфу, после того, как человек принял заказ, он быстро поручил быстроногому маленькому еврею отправиться во дворец Вэйян, чтобы забрать книгу, и через мгновение "Записи Благородной семьи" были открыты на столе, Чжао ши сбежал из рабства, написано черным по белому, ясно, как колокол. Е Чжэнь покраснела от смущения и на некоторое время потеряла дар речи, но Лю Ши закричала: "Семья Чжао обманула брак! Если бы он не сказал, что он прямой потомок семьи Тяньшуй Чжао..." Поняв, что следующие слова были неуместны, она тут же плотно закрыла рот.

Как мог император Шэн Юань не знать, какой добродетелью была семья Е? Торговец ищет прибыль. Если бы у Чжао Лули не было выдающихся качеств, семья Е никогда бы не выдала свою очаровательную дочь замуж за молодого сержанта, который в то время все еще усердно работал в армии. Однако эти прошлые события не имеют к нему никакого отношения, поэтому он не стал бы утруждать себя, просто прояснив недоразумение для Гуань Суй.

Ему не нравились насмешливые замечания Лю в ее адрес. Когда благородные были осквернены подлыми, ситуация всегда вызывала у людей гнев.

Мать и дочь семьи Е были слишком смущены, чтобы говорить, но он даже не потрудился поднять веки, поэтому медленно пролистал "Записи благородной семьи" и вздохнул: "Оказывается, автор этой книги также является ее пра-пра-пра-пра-прапрадедушка, неудивительно..." Как будто думая о чем-то, он мягко улыбнулся, и его настроение мгновенно улучшилось.

"Ваше величество, жена министра совершила ошибку..." У Лю Ши онемела кожа головы из-за угрюмого императора Шэн Юаня, она опустилась на колени и собиралась попросить прощения, но была прервана им: "У вас поверхностные знания, вы должны быть осторожны в своих словах и действиях в будущем". Гуань Ши достойна и нежна, почтительна и осторожна, и никогда не переступает через этикет, который унаследовала от императора-учителя. Она также является образцом клановой женщины, более того, Чжэнь лично присвоил ей титул женщины первого класса. Клевета на нее, вы клевете на Учителя-Императора и клевете на Чжэнь".

Обвинения перечислялись одно за другим, и Лю Ши не могла больше терпеть. Она упала на землю, прося и умоляя о пощаде, прежде чем Его Величество отпустил ее. Когда она ушла, ее как будто помиловали.

Е Чжэнь тоже просила прощения, но она чувствовала себя крайне неловко. Император защищал Гуань Ши таким образом, разве это не было ради отца и сына семьи Гуань? Если бы семья Гуань не пала, было бы трудно втоптать Гуань Суй в грязь. Она подумала об этом и, наконец, подавила все более и более глубокий страх.

Император Шэн Юань очистил имя этой женщины, которая "любит читать лекции". После того, как он выплеснул свой гнев, его настроение снова улучшилось, а затем он указал на два рисунка, которые он уже разгладил, и спросил: "Ты хорошо вышиваешь, можешь вышить их в настольную ширму?".

Е Чжэнь поспешно согласилась: "Естественно. Откуда у Вашего Величества эти две картинки? Несколько штрихов чрезвычайно выразительны, что свидетельствует о глубоком мастерстве художника".

Император Шэн Юань рассмеялся, но ничего не ответил, передал рисунки Е Чжэнь, приказал

ей не мять и не ломать их, через восемь дней он заберет их, а затем ушел. Когда он подошел к дверям дворца, словно что-то вспомнив, еще раз сказал: “В конце концов, Лю Ши из купеческой семьи, и ее слова и поступки вульгарны, если тебе нечего делать, ты можешь почитать еще. Не зови ее во дворец слишком часто, чтобы посплетничать, чтобы не нарушать атмосферу.”

Кто был тот человек, который на днях попросил меня позвать мою мать во дворец? Ваше величество, а как насчет ваших слов? Но Е Чжэнь не осмелилась задать эти вопросы, у нее не было другого выбора, кроме как дернуть уголками рта в ответ.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2295078>